

А.В. Ремнев
Омский университет

«Крест и меч».
Владимир Соловьев и Вильгельм II
в контексте российского имперского ориентализма*

*Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастью дракона
Ты понял: крест и меч одно.*

*В.С. Соловьев «Дракон»
(24 июня 1900 г.)*

Казалось бы, имена русского философа В.С. Соловьева и германского императора Вильгельма II трудно вместить в один контекст, если бы не стихотворение «Дракон», которое имело знаменательное посвящение — «Зигфриду». Вместе с тем я далек от мысли отождествлять В.С. Соловьева и Вильгельма II в их воззрениях на Восток, тем более притягивать Соловьева к ответу за идеологию имперской экспансии, как чуждо мне, к примеру, считать Ф. Ницше или Р. Вагнера ответственными за германский фашизм. Однако важно проследить, каким образом сложные философские построения переводятся на простой язык идеологических лозунгов, становясь достоянием официальной пропаганды и средств массовой информации. И как писал поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». В интеллектуальной истории идеи, однажды высказанные в одном мыслительном контексте, продолжают жить, перемещаясь в другой, активно действуя на политическом поле. Это было также осознанное желание политиков опереться на авторитет великого философа, вписать его имя в круг авторитетных теоретиков экспансии Российской империи на Восток.

В моей статье речь пойдет о так называемой «желтой опасности», которую в конце своей жизни предсказывал В.С. Соловьев, связывая с ней даже прогнозы о финале истории, отталкиваясь от «Апокалипсиса» и трудов ветхозаветных пророков. Конечно, Соловьев представлял тему «грозы с Востока» философски широко, трактуя ее в рамках своей историософ-

Анатолий Викторович Ремнев, член Академии гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного университета. Специалист по истории Российской империи, истории государственного управления Сибири. Автор монографии «Самодержавие и Сибирь». E-mail: remnev@omsu.omskreg.ru

* Статья написана при поддержке АНО ИНО «Центр» в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации, Институтом перспективных исследований им. Кеннана (США), при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Мак-Артуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций. Грант КТК 346/1-3-03 «Российский имперский ориентализм второй половины XIX — начала XX вв.»

ской концепции, не только развивая чаадаевскую и славянофильскую традиции пророчества духовного кризиса Европы, но и предсказывая гибель самой России как крушение старого мира. Поэтому так велико было обаяние В.С. Соловьева в русском символизме. Но был в этих прогнозах и публицистический пафос, который активно вписывался в формирующуюся новую имперскую идеологию движения на Восток. Но было в его философских пророчествах нечто такое, что позволяло находить у Соловьева «скрытый империализм»¹. Реальная Россия была мало симпатична философу, он был увлечен «Русской идеей» как восстановлением на земле образа Божественной Троицы. А для исполнения этой миссии он готов был призвать «всю мощь империи»². Имперское и вселенское — вот в чем главная интрига мировоззренческой коллизии. Мой интерес в данном случае связан не столько с философскими конструкциями В.С. Соловьева, сколько с их идеологическими презентациями и интерпретациями в имперском и национальном строительстве.

Еще одной задачей данной статьи стала попытка вписать процесс формирования идеи «грозы с Востока» в ориенталистский контекст, внося вклад в спор о возможностях изучения проблемы «знание—власть» (Мишель Фуко) в ее российской имперской трактовке. Отечественные исследования истории Российской империи до сих пор еще остаются в стороне от ряда современных тенденций мировой историографии колониализма и не испытали какого-либо воздействия от работ Э. Саида и других постколониальных теоретиков (см. дискуссию Н. Найта, М. Тодоровой и А. Халида в журнале «Kritika» (2000. Vol. 1. № 4.), И. Герасимова, Н. Найта, Д. Схиммельпеннинка, Е. Кэмпбелл и А. Эткинды в журнале «Ab Imperio» (2002. № 1). Говоря об ориентализме (в трактовке Эдварда Саида), в первую очередь речь идет об интеллектуальном «вторжении» в видение истории взаимоотношений Востока и Запада через междисциплинарные контакты с другими гуманитарными науками (философией, литературоведением, антропологией, регионоведением, междисциплинарными исследованиями культуры) постструктуралистской в своей основе теории критического дискурса.

Даже в столь традиционной науке, как история, исследователи стали уделять особое внимание проблемам культуры и колониализма, конструированию представлений и образов колонизованных, инвенции выработанных европейской наукой знаний о Востоке в политическую практику. Ориентализм в этом случае предстал в виде особого дискурсивного поля суждений о Востоке, презентаций и репрезентаций «другого». В оборот были введены новые типы источников, новому прочтению подверглись прежние имперские нарративы.

В XIX в. влияние западного ориентализма, как отмечает Андреас Каппелер, распространилось и на Россию³. Восток стал заметной темой в русской художественной литературе, политической и философской публицистике, в стране быстро развивалось востоковедение. Однако исследователям еще предстоит понять, кто и как осуществлял российский ориенталистский дискурс и каким образом он влиял на имперские практики. Это позволит выйти на тему взаимных связей и влияния науки и политики,

¹ Фудель И.К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // К.Н. Леонтьев: pro et contra. М., 1995. Кн. 1. С. 403. — Об «империализме» В.С. Соловьева см. также: Межуев Б. Вл. С. Соловьев и петербургское общество 1890-х годов. К предыстории «имперского либерализма» // Электронный сайт библиотеки «Русский Архипелаг».

² См.: Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея»: историко-философские предпосылки (часть I) // Россия и современный мир. 2003. № 2 (39). С. 11.

³ Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2.

выявить (явный и латентный) экспертный уровень лиц, формулировавших разные имперские варианты политических идеологий и практик применительно как к внутренним, так и внешним азиатским регионам, проследить возможности и уровни научного и идеологического транзита западных колониальных и империалистических теорий. Важную роль в имперской политике играла наука, которая стремилась оперативно отыскать теоретические ответы на исторические вызовы быстро меняющегося мира. Это был сложный дискурс интеллектуалов (обосновывавших идеальные геополитические конструкции и пугавшие мир возможными глобальными конфликтами) и политических прагматиков, которые хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в имперской политической и управленческой практике.

Исторический опыт Российской империи демонстрировал не только дистанцию и даже конфликт между властью и наукой, но и своеобразные формы идеологической диффузии в сотрудничестве ученых и политиков, что особенно отчетливо проявилось в обосновании имперского расширения в Азии⁴. Сохраняя традиционалистские трактовки территориального расширения в Азии, российская имперская идеология была открыта для восприятия западных колониальных доктрин, синтезируя свой взгляд на Восток. Какого-либо прагматичного обоснования имперская политика здесь так и не приобрела, питаясь иррациональными идеями о престиже великой державы и заботой о будущих поколениях⁵. Активизация азиатской политики, прежде всего на дальневосточном направлении, поставила перед российскими идеологами важные вопросы культурной идентичности, которая должна была, сохранив европейское доминирование, включить и азиатскую составляющую. Если на Западе российская европейскость традиционно подвергалась сомнению, то и конкуренты на Востоке (прежде всего Япония) исключали Россию из круга, очерченного геополитическим концептом — «Азия для азиатов».

В российском ориенталистском дискурсе рубежа XIX–XX вв. сочеталось желание остаться форпостом Европы на Востоке со стремлением дистанцироваться от западного колониального милитаризма и торгово-буржуазного меркантилизма. Формирование идеологии движения на Восток исходило, казалось бы, из двух противоположных истоков: первого, проповедовавшего культурную и геополитическую связь России с азиатским Востоком, и второго, призывавшего Россию к выполнению исторического предназначения стать барьером на пути «панмонголизма», надвигающегося на Европу. И, как уже отмечено исследователями, один из главных инициаторов дальневосточной политики С.Ю. Витте с известным прагматизмом черпал аргументы для ее обоснования одновременно из двух истоков⁶. Стремление достичь «естественных границ», привнесившее в идеологию имперской экспансии видимость рационального объяснения, соединялось с иррациональной мотивацией охраны рубежей «Православного царства»; внешнеполитические задачи срастались с проблемой внутреннего обустройства расширившегося имперского пространства, а хозяйственное освоение Сибири находило продолжение в вестернизированном экономическом импе-

⁴ Ремнев А.В. Россия движется на восток. «Знание—власть» и возможности ориенталистского дискурса в имперской истории России (в печати).

⁵ Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М., 2000. С. 131.

⁶ Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 214. Подробнее о четырех модификациях российского видения Дальнего Востока, олицетворенных именами Э.Э. Ухтомского, Н.М. Пржевальского, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткина, см.: *Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

риализме по отношению к Китаю и Корее. Былинные образы казаков-первопроходцев соседствовали с проектами железных дорог, способных «мирным» путем открыть для России Азию, сшить огромное пространство империи железными нитями, а национальные вызовы вплетались в геополитические дебаты российских континенталистов и маринистов.

Восточный вектор имперской экспансии был наиболее успешным и казался наиболее перспективным, несмотря на явное доминирование западного направления во внешней политике России XIX — начала XX вв. Именно на Востоке, как казалось имперским идеологам, имперское расширение не достигло очевидных пределов, хотя естественный ход России навстречу Солнцу замедлился.

Геополитическое значение территориальных приобретений Российской империи конца 1850-х гг. в Азии виделось итогом «трехвекового богатырского, беспримерного движения на Восток», открывшим России дверь в Великий океан⁷. В основе подобного оптимизма лежала убежденность, что центр мировой экономической и политической активности со временем переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион, и Россия должна заблаговременно подготовиться к этому. Но, как отметил J. Le Donne: «Русские вышли к Coastland'у (побережью), но отказались войти в глобальную экономику. Их высоко развитое геополитическое чувство должно было бы подсказать им, что судьба прибрежных регионов связана с великими океанами, а не с Heartland'ом»⁸.

Поражение в Крымской войне породило у определенной части российской элиты желание компенсировать ослабление позиций в Европе за счет экспансии в Азии. Н.Н. Муравьев, вошедший в историю под именем графа Амурского, мечтал об успехах на Дальнем Востоке, где Россия способна взять реванш «за все то, что она терпит от Запада». Один из главных теоретиков «официальной народности» М.П. Погодин писал по этому поводу: «...оставляя в покое Европу в ожидании благоприятных обстоятельств, мы должны обратить все свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя, собственно, она предназначена нам по преимуществу, Азию, куда хотят также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением отбросить наши враги!». Несколько вынужденная переориентация российской политики в его рассуждениях очерчивала новые грандиозные горизонты российского имперского проекта: «Пусть живут себе европейские народы как знают и распоряжаются в своих землях как угодно, а нам принадлежит еще половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Коканд, Персия, если мы хотим, а может быть, и должны, распространить свои владения для разнесения по Азии европейского элемента, да возвысится Иафет над своими братьями»⁹. Это был не только реванш за поражение в войне против европейских держав или имперская устремленность к естественным границам, но и стремление заявить исторические права на земли, которыми Россия должна обладать в силу своего географического и цивилизационного положения. В. Цымбурский все 50-летие с 1856 по 1907 гг. трактует как «евразийскую» фазу отечественной истории. И дело, по его мнению, не столько в практической геостратегии, сколько в процессе формирования идеологии, ее «геополитической има-

⁷ Максимов А.Я. Наши задачи на крайнем востоке // Русский вестник. 1888. № 1. С. 118.

⁸ Le Donne J. The Russian empire and the world. 1700–1917. The geopolitics of expansion and containment. Oxford; N. Y.: Oxford UP, 1997. P. 185.

⁹ Погодин М.П. Историко-политические записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856 гг. М., 1874. С. 242–243. См. также: Рязановский Н.В. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 400–401.

гинации». И его, как, впрочем, и меня¹⁰, не смущает, что творцами новой воображенной географии были столь разные по своим идейным и политическим пристрастиям люди, как А.И. Герцен, М.И. Венюков, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, С.Н. Южаков, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, Э.Э. Ухтомский, А.М. Безобразов и В.С. Соловьев¹¹. Перечень имен далеко не полон, но вполне репрезентативен. Русская мысль напряженно стремилась к ответу на вопрос, который сформулировал еще в 1871 г. автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский: «Да где же он, Господи, наш-то Восток, который нам на роду написано цивилизовать?»¹².

Действительно, середина XIX в. ознаменовалась всплеском общественного внимания к Востоку и формированием новых политико-географических «образов» Российской Азии¹³. Из периферийного в географическом, экономическом и политическом отношениях региона, каким он был в начале XIX в., Дальний Восток к концу столетия превращается в центр борьбы за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В традиционные, во многом мифологические, имперско-династические мотивы территориальной экспансии встраиваются рационально обоснованные геополитические и националистические теории, порожденные новой индустриальной эпохой. Говоря о «бессознательных» основах российского движения на Дальний Восток на рубеже XIX–XX вв., Б.В. Межуев указывает на архетип империи как носительницы сакральной власти, противопоставлявшей русскую имперскость экономически прагматичному европейскому империализму¹⁴. Т.А. Филиппова видит в этом идейно-историческую и культурно-политическую борьбу двух типов имперства: византийско-православной единственной империи, несущей в себе наследие Христа, и Римской империи, воплощающей бездуховный генотип бюрократической («тевтонской») государственности. Новоевропейские псевдоимперии, считает она, демонстрировали процесс наращивания нациями-государствами ореола военно-экономической мощи колониальных империй, «не транслировавших никакого традиционного наследства»¹⁵. Идея «народного самодержавия»¹⁶, с ее неославянофильской отрефлексированностью, с трудом, но все же открывалась восприятию модернистских категорий национального интереса.

Российские имперские идеологи начинают активно осваивать новейшие геополитические идеи Запада, дополняя их собственными интерпретациями политико-географической предрасположенности России¹⁷. Мно-

¹⁰ См.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004.

¹¹ Цымбурский В. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4 (23). С. 16–19.

¹² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 62.

¹³ Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. V. 96. № 3; Овсянников В.И. Азия и общественно-политическая мысль России // Восток. 1992. № 4; Рязановский Н.В. Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996; Луксин А.В. Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5.

¹⁴ Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX вв. // Полис. 1999. № 1. С. 36.

¹⁵ Филиппова Т.А. В царстве «белого царя». Методы стабилизации поздней империи // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 180–181.

¹⁶ Самодержавие и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 380, 408.

¹⁷ Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 95–100; См. также: Ремнев А.В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122). С. 344–369.

гие из тех, кто соприкоснулся непосредственно с Азиатской Россией, начинают мыслить категориями политической географии. Важную роль в формировании нового имперского мировоззрения сыграли российские историки (М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), путешественники (многие из них — офицеры Генштаба), преследовавшие наряду с научными целями и чисто разведывательные (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.И. Венюков, Н.М. Пржевальский), а также теоретики-«восточники» (В.С. Соловьев, Э.Э. Ухтомский). В их теориях было явно больше идеологического модерна, нежели у «западников».

Традиционные идеологические формулы: о наследии Византийской империи, о «Православном царстве», о «Москве — Третьем Риме», о праве великой нации, о «собирании русских земель», возврате утерянных ранее владений (иногда даже тех, что никогда не были русскими), о необходимости нести свет христианской веры инородцам или о защите единоверцев от притеснений — в условиях Востока не срабатывали, как не находил сочувствия и прагматический интерес экономической выгоды, захват колоний в угоду буржуазии. Нужно было отыскать и объяснить смысл неумолимого исторического движения русских в Азию.

Трактовка «восточного вопроса» в имперской политике восходит своими истоками к П.Я. Чаадаеву, славянофилам, антизападничеству и панславизму Н.Я. Данилевского, почвенничеству Ф.М. Достоевского. В российском продвижении в Азию Достоевский видел громадный политический смысл. В «Дневнике писателя» за 1881 г. он писал, что нельзя забывать о том, что «русский не только европеец, но и азиат», обвинял общественность в том, что она до сих пор считает, что «Россия до Урала, а дальше мы ничего знать не хотим», не желает интересоваться азиатскими делами, «не сознает значения азиатского направления политики, обвиняя правительство в непроизводительных затратах». С движением в Азию Достоевский связывал возрождение России, подъем ее «духа и сил». «В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы», — возражал писатель своим оппонентам. «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось». Там наши богатства, там «у нас океан», там наше спасение от надвигающегося с Запада коммунизма¹⁸.

Н.Ф. Федоров в своей философии «общего дела» оправдание и смысл движения России на восток видел не только в предназначенной России самой ее континентальной природой миссии искать выхода к океану, в исторических воспоминаниях о нашествии кочевников и угрозе нового монгольского ига и необходимости не только охранять, но и отодвигать границу с кочевым и исламским миром все дальше на восток, и даже не в глобальном значении трансконтинентальной железной дороги и всемирного телеграфа, способных покончить с преобладанием «океанического мира», а в своеобразном «сельско-земледельческом» империализме, который в отличие от торгового европейского империализма ищет не коммерческого успеха, а стремится ликвидировать опасность нового нашествия кочевников, приобщая их к оседлости, земледелию, переводя их в крестьянское (и христианское) состояние¹⁹.

Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П.П. Мигулин на страницах газеты «Русь» попытался описать имперское расширение в категориях «национального интереса» и призывал преодолеть страх перед постоянно расширяющимся пространством империи, ибо

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1984. Т. 27. С. 36–38, 73, 78–79.

¹⁹ Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 110, 286, 335, 378. См. также: Сетницкий Н.А. Русские мыслители о Китае (В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров). Харбин, 1926. С. 5–6.

это заложено в самой природе русского земледелия, которое при своем экстенсивном характере постоянно подталкивает к расширению государственных границ²⁰. Именно это и обусловило стремление русского народа к Востоку, потому что народ инстинктивно понимал то, чему учит мировая история — расширение территории всегда и везде служит источником обогащения государств.

Не остались в стороне от футурологических прогнозов и российские востоковеды. В 1887 г., выступая на «годовом акте» в Санкт-Петербургском университете, профессор А.М. Позднеев утверждал, что Россия в Азии «никогда не шла и не должна идти по торной, но грязной дороге европейцев: она имеет свою историю отношений к Китаю и свои задачи на Востоке, которые совершенно различны от задач Европы»²¹. Другой известный русский востоковед В.П. Васильев предсказывал также, что наступает «новая история», что на Восточном океане «тоже наша отчизна», что Восток вступает в тесный контакт с Западом, результатом чего станет слияние народов в одно целое. И мы идем в Азию не для того, чтобы истребить инородцев мечом, а чтобы слить их с собой, обратить в русских. «Отдаленные наши владения на Востоке, — писал он, — должны быть милы всякому русскому сердцу; на них каждый истинный русский может указать с такой же гордостью, с какой Западная Европа указывает на Америку»²². Своим движением на Восток Россия как бы похищает народы у находящейся в упадке Азии. Поэтому не следует сентиментальничать, ибо настоящая гуманность заключается «в предоставлении нашим инородцам чести сделаться русскими». Иначе же нам угрожает нашествие китайцев, готовых утопить мир в крови²³. Другой российский востоковед, С.М. Георгиевский, призывал активнее изучать Китай и предсказывал, что в будущем («примерно к началу 21-го столетия») мировое значение Европа неизбежно уступит тройке великих держав — России, Соединенным Штатам Америки и Китаю, и мы, русские, «очутимся лицом к лицу с китайцами»²⁴.

Наиболее ярким выразителем направления, получившего название русское «восточничество» и предвосхитившего в известной степени появление евразийства, был князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший в 1891 г. наследника престола, будущего императора Николая II, в поездке по странам Востока. В феврале 1896 г. на страницах редактируемых Э.Э. Ухтомским «Санкт-Петербургских ведомостей» была перепечатана статья известного французского географа и идеолога анархизма Э. Реклю, в которой утверждалось: «Русские живут теперь накануне уплаты реванша за то господство варваров, которое они испытывали над собою назад тому шесть веков, или скорее накануне слияния с собою национальностей, которые их некогда завоевали»²⁵. При этом в России активно идет процесс «обрусения», слияния национальностей «в один народ общего типа и с единством сознания». «Между тем наследственные качества объединяющихся племен не исчезают бесследно, — отмечал Реклю, — и сибиряки, так же как и русские, имеют перед нами, западными,

²⁰ Мигулин П.П. Война и наши финансы // Русь. 1904. 7 (20) авг.

²¹ Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1887 г. профессором А.М. Позднеевым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. 27. С. 263.

²² Васильев В.П. Открытие Китая. СПб., 1900. С. 1, 19, 21.

²³ [Васильев В.П.] Современное положение Азии. Китайский прогресс. Речь, приготовленная заслуженным профессором Васильевым для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в Санкт-Петербургском университете. СПб., 1883. С. 2, 23.

²⁴ Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 263, 270.

²⁵ Россия, Монголия и Китай (статья Э. Реклю из «Contemporary Review») // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 6 февр.

Примечательны в этой связи комментарии, которыми сопроводил записку царского «крестника» С.Ю. Витте. Министр финансов с явными симпатиями писал об оригинальных взглядах Бадмаева, устанавливающего новую точку зрения на российскую азиатскую политику, смысл которой коренным образом изменился со строительством Сибирской железной дороги. Географическое положение России на рубеже «столь различных миров» Запада и Востока, с которыми она тесно соприкасается на протяжении многих веков, писал он, породило в ней «мир особенный» и обусловило особую роль во всемирной истории. Россия окончательно не слилась с европейским Западом, но вместе с тем явилась «носителем христианского идеала» среди азиатских народов. Строительство Транссибирской магистрали и железнодорожной линии от нее в Китай «едва ли не поставит Россию в необходимость принять более деятельное участие в жизни азиатского Востока», выполнить ее «культурно-просветительскую задачу»³³.

Среди российских военных, как и среди их европейских коллег, были и те, кто грезил о колониальных захватах, новых победах в Азии. Соединяя в себе исследователей и покорителей Востока, они демонстрировали в российском ориентализме единство «науки и власти». Так, будущий забайкальский военный губернатор полковник Генерального штаба Я.Ф. Барабаш, вернувшись в 1882 г. из поездки в северные районы Цинской империи, призывал поспешить, чтобы не опоздать к будущему промышленному и торговому пиршеству на Тихом океане: «Между европейскими и американскими гостями нам отведено за столом одно из видных мест. Если мы пока, сидя за столом, не удовлетворяем подобно другим своего аппетита, то из этого не следует, чтобы мы готовы были позволить вывезти себя из-за стола». Главная же задача сейчас, как ее определял Барабаш, состоит в сохранении нашего стратегического положения на Дальнем Востоке, так как «с Амура мы можем наносить Европе самые серьезные по своим последствиям удары и всякое усиление наше в Тихом океане будет иметь неизбежным последствием возвышение нашего политического могущества в Европе»³⁴. Выход к Амуру и в Уссурийский край изменили и отношения с Китаем, с которым Россию уже не разделяют громадные пустынные пространства. Китайские власти начали колонизацию Маньчжурии и перестраивают свою армию на европейский лад, серьезную опасность представляет в этих условиях проживающее на российской стороне китайское население. И это в условиях, на что особо указывал он, когда местные власти оставлены фактически без военных средств и не готовы к самостоятельным действиям.

О возможной войне с Китаем писал в 1880 г. другой знаток Азии полковник Генерального штаба Н.М. Пржевальский, призывавший покончить с прежней политикой уступок китайцам, которая ведет к опасному исчезновению «обаяния русского имени в Азии». Если европейцы вторгаются в Китай с востока — с моря, то мы должны сделать то же самое с запада — с материка. «К этому ведет ход исторических событий и наше географическое положение как державы континентальной», — заключал он³⁵. С чувством цивилизационного и военного превосходства

³³ Доклад министра финансов Витте Александру III относительно записки Бадмаева // Там же. С. 93–96.

³⁴ Записка о Маньчжурии Генерального штаба полковника Барабаша (по данным, добытым при поездке в Гирин в 1882 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 103–104, 105–106.

³⁵ «О возможной войне с Китаем» полковника Генерального штаба Н.М. Пржевальского (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Там же. С. 304.

Пржевальский призывал «повторить подвиги Кортеса». По его словам, «один волк заставляет бежать тысячное стадо баранов, и таким волком явится каждый европейский солдат относительно китайского воинства»³⁶. И не нужно особенно стеснять себя нормами международного права (и тут он ссылаясь на авторитет признанного специалиста в этой области — Ф.Ф. Мартенса), которые не могут быть применены «к сношениям с полудикими народами». Сам же Ф.Ф. Мартенс писал о «грозном призраке» войны с Китаем, что удар этот направлен не только против России, но и против всех цивилизованных наций. При этом он заявлял об отличии русской политики в Китае от европейской, что русская политика никогда не вдохновлялась «стремлениями торгашей», преследовала «цивилизаторскую и возвышенную миссию в Азии»³⁷. В записке, поданной в 1900 г., он, как эксперт российского МИДа, предложил с претензией на научность следующую трактовку китайских событий: «Борьба, происходящая в Срединной империи между китайцами — с одной стороны — и вооруженными представителями европейско-американских народов — с другой, есть не просто международная война, но есть борьба между разными расами»³⁸.

Вместе с тем новая имперская идеология апеллировала к исторической памяти о трехсотлетнем татаро-монгольском порабощении и исторических правах России на наследие Золотой Орды. Не случайно «отец» британской геополитики Х. Маккиндер усматривал в расширении России в Азии то, что она последовательно занимает «место Монгольской империи». Оценивая Транссибирскую магистраль как новое оружие в руках «мобильной сухопутной державы», он прогнозировал, что «не пройдет и столетия, как вся Азия покроется железными дорогами», Российская империя вместе с Монголией образуют свой замкнутый экономический мир, который будет недоступен с моря для международной торговли. 25 января 1904 г. в докладе, представленном Британскому королевскому географическому обществу, он указал на это, как на альтернативную угрозу цивилизационного уровня. С другой стороны, если японцы и китайцы объединятся и завоюют российскую территорию, то они обострят желтую опасность тем, что добавят к ресурсам великого континента океанские просторы, «завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона»³⁹. Почти синхронно книге А. Мэхена «Влияние морской силы на историю» (1890 г.), трактату Х.Д. Маккиндера «Географическая ось истории» (1904 г.), положившим начало геополитике как науке⁴⁰, публикуется небольшое по объему, но важное по про-

³⁶ Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888. С. 275, 509; Он же. Разбор пограничных районов Притянь-Шанского, Ургинского и Амурского (Санкт-Петербург, 6 апр. 1881 г.) // Там же. СПб., 1883. Вып. I. С. 315. См. также: Схиммелпенник ван дер Ойе Д. Свет с Востока // Родина. 1995. № 11; Он же. Повторить подвиги Кортеса? Российское «восточничество» на рубеже XIX–XX вв. // Рубежи. 1998. № 2; Он же. Несостоявшийся Кортес. Имперские амбиции Николая Пржевальского // Родина. 2002. № 6. — Н.М. Пржевальского привлекали для обучения наследника великого князя Николая Александровича, будущего императора Николая II. Цесаревич с восхищением читал письма Пржевальского о его путешествиях по Азии. — Схиммелпенник ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 217. — Военный министр А.Ф. Редигер вспоминал о господствовавшей на рубеже XIX–XX вв. точке зрения Пржевальского, «что с одним батальоном можно пройти через весь Китай». — Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 316.

³⁷ Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб., 1881. С. 31.

³⁸ Записка Ф.Ф. Мартенса «Европа и Китай» // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 177.

³⁹ Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

⁴⁰ Тихонравов Ю.В. Геополитика. М., 1998. С. 97–105, 112–128.

гностическому потенциалу сочинение А.И. Воейкова «Будет ли Тихий океан главным торговым путем Земного шара?» (1904 г.)⁴¹.

Стремление к Востоку, охватившее во второй половине XIX — начале XX вв. весь западный мир, стало своеобразным императивом времени, который увлекал жаждущего славы и исторического признания Николая II. Возможность покрыть себя славой не менее великой, чем у знаменитых предков, не могла не импонировать молодому и честолюбивому человеку, который мечтал о грандиозной миссии России на Востоке. Как и германский кайзер, молодой российский император мечтал о морском могуществе, не упускал возможности обрести на берегах Тихого океана место для военноморского базирования, что открыло бы России новые геополитические и экономические перспективы. Эмигрантский историк последнего российского царствования С.С. Ольденбург не без основания полагал, что основной внешнеполитической мыслью Николая II мог бы стать лозунг «будущее России — в Азии». Самодержавие приняло новый внешнеполитический курс, который, казалось бы, укладывался в русло традиционной исторической миссии движения России на Восток. Эта политика выглядела продолжением дела сибирских первопроходцев, когда Россия создавала для себя нечто более основательное, чем колонии, «сама вращалась в Азию, раздвигая свои пределы»⁴². Прибыв в 1895 г. в Иркутск, министр путей сообщения М.И. Хилков в местном общественном собрании заговорил о цивилизационном значении железнодорожной магистрали: «Железная дорога объединит две культуры — культуру Запада и культуру Востока»⁴³.

Николай II был не прочь оправдать звание «адмирала Тихого океана», как его не без политического расчета именовал Вильгельм II⁴⁴. Германский император, может быть, раньше, чем его кузен Ники, приобщился к новым геополитическим веяниям, превозносил «певца» британского империализма Р. Киплинга и усиленно штудировал А. Мэхена. Это было время, когда властителями дум политиков становился автор «Катехизиса для империалистов» Ф. Ратцель, формировалась идея «Срединной Европы», а будущий классик германской геополитики К. Хаусхофер отправился в поездку на Дальний Восток.

В 1898 г. несколько европейских газет опубликовали рисунок, сделанный по заказу и по замыслу германского императора Вильгельма II: «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: «Народы Европы, защищайте свои самые священные блага»⁴⁵. В начале того же года он посылает этот рисунок Николаю II, сопроводив припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке»⁴⁶. Примечательно, что канцлер Б. Бюлов с известной резкостью писал в своих мемуарах о «злосчастной картине импе-

⁴¹ Примечательно, что именно А.И. Воейкову было поручено Александром III подготовить научную программу 10-месячного путешествия наследника российского престола Николая Александровича на Восток. — Максименко В.И. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток. 2000. № 1. С. 57.

⁴² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 109, 110.

⁴³ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 337.

⁴⁴ Вильгельм II называл Николая II «великим императором Востока», «знатоком Востока».

⁴⁵ Имеются сведения, что Вильгельм II заказал эту картину придворному живописцу Герману Кнакфусу. В Третьем рейхе картина в виде почтовой открытки использовалась нацистской пропагандой.

⁴⁶ Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 22.

ратора» и отказывался понимать, «каким образом священным ценностям европейских народов могло угрожать кроткое учение Будды»⁴⁷. Однако Вильгельм II со свойственным ему маниакальным упорством проповедовал эту идею, приказав повесить картину на всех германских судах, отплывающих на Дальний Восток. Николай II поместил художественное творение кайзера в Ливадийском дворце, а репродукцию картины видели в 1900 г. висящей в кают-компании броненосца «Россия»⁴⁸. Вильгельм II не уставал твердить о великой роли России, призванной насадить европейскую культуру в Азии, стать на защиту «креста и старой европейской христианской культуры против вторжения монголов и буддизма»⁴⁹, быть «передовым борцом за всю белую расу»⁵⁰.

Журналы и газеты принялись запугивать российского обывателя грядущим нашествием желтой расы. Традиционный российский интерес к Востоку, прежде всего к Китаю, приобретает зримый оттенок угрозы. Еще в 1873 г. М.А. Бакунин писал в своем знаменитом произведении «Государственность и анархия» о смысле (или, точнее сказать, бессмысленности) движения России на Восток, указывая на опасность, которая в будущем будет исходить от соприкосновения с пробуждающимся Китаем. Ему казалось опасным расселение китайцев по всему миру, и он драматически пророчествовал: «Тогда в одно мгновение ока Сибирь, весь край, простирающийся от Татарского пролива до Уральских гор и до Каспийского моря, перестанет быть русским»⁵¹. О возможности китайского нашествия на христианский мир предупреждал К.Н. Леонтьев⁵². Адмирал К.Н. Посыет, узнав о решении строительства железной дороги через Маньчжурию, выдвинул мрачный сценарий, что «китайцы наводнят нашу Сибирь, сперва в их руки перейдет вся торговля, потом они вытеснят русского предпринимателя и работника из всех сфер их деятельности, далее они завладеют или мирным путем, или путем нашествия, когда Китай проснется от лютаргического своего сна, а Европа всячески его к тому побуждает, всею Сибирью, отторгнут ее от России и, став твердою ногою в Сибири, двинутся в Россию»⁵³. Об угрозе мирного нашествия китайцев писал близкий к придворным кругам и лично Николаю II кн. В.П. Мещерский: «...мы завладеем Маньчжурией, а китайцы Сибири»⁵⁴. Респектабельный либеральный «Вестник Европы» в 1900 г. предрекал, что если японская предприимчивость завладеет многочисленным китайским населением, то создастся почва для грядущего панмонголизма, о котором пророчествовал В.С. Соловьев⁵⁵.

Действительно, великий русский философ В.С. Соловьев одним из первых ощутил не очень ясное чувство опасности от ускоряющегося динамиз-

⁴⁷ Булов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 58.

⁴⁸ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 214. — «Эта система союзов носит в себе семя неизбежных столкновений». Записка русского дипломата на высочайшее имя за два года до Первой мировой войны // Источник. 1997. № 6. С. 42, 45.

⁴⁹ Вильгельм II — Николаю II (10 июля 1895 г.) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 9. — Еще в 1882 г. журнал «Русская мысль» (№ 1) с иронией писал, что немцы сочинили для нас новейшую историко-политическую теорию, что наша миссия состоит в перенесении европейской цивилизации в среду азиатских народов.

⁵⁰ Цит. по: Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001. С. 174.

⁵¹ Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 397.

⁵² Делюсин Л.П. Что для русских Китай? // Россия и современный мир. 1998. Вып. 24 (21).

⁵³ Куломзин А.Н. Пережитое // Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 95.

⁵⁴ [Мещерский В.П.] Дневники // Гражданин. 1903. 22, 26 июня.

⁵⁵ Вестник Европы. 1900. № 4. С. 833.

ма Японии и пробуждения Китая. В статье «Китай и Европа», опубликованной в 1890 г. в «Русском обозрении», он предсказал серьезные потрясения в Китае, которые могут быть опасными для всей европейской цивилизации. Но тогда его волновали прежде всего отчужденность и замкнутость Китая, опасное влияние китайских порядков на западнохристианскую цивилизацию, которое отнимает «у нас внутреннюю силу в предстоящем столкновении двух культурных миров — Европы и Китая». Впоследствии Соловьев вспоминал, что особенно сильное предчувствие наступающей «монгольской грозы» он ощутил именно осенью 1894 г. Это предчувствие вдохновило его на известное стихотворение «Панмонголизм». В последней редакции, явно под влиянием событий на Дальнем Востоке, прежде всего Японо-китайской войны 1894–1895 гг., поэт-философ вносит коррективы, где основная опасность уже исходит не от Китая, а от Японии, к которой присоединится «поникший» (в первой редакции — «восставший») Китай. Соловьев считал, что только христианская Россия, соединенная с христианской Европой, в силах будет отразить новое монгольское нашествие.

В рецензии на описание Э.Э. Ухтомским путешествия наследника российского престола на Восток, философ, по словам Б. Межуева, может быть, впервые в русской мысли, так откровенно оправдывал европейский колониализм⁵⁶. «Конечно, такие громады, — отмечал В.С. Соловьев, — как Индия и Китай, нельзя причислить к вымирающим народцам, но требование для них самобытного развития без вмешательства Европы все-таки основано на недоразумении. При всех национальных отличиях у исторического прогресса есть общие условия, одинаково обязательные для каждого народа. Без науки, например, без понятия о правде общественной, о достоинстве и правах личности и т.д. невозможно никакое национальное развитие. Все эти общие условия и формы выработаны исторической активной частью человечества, которая и создала всемирную культуру, ошибочно называемую европейской или западной»⁵⁷. Последнее утверждение, по его словам, уже потому несправедливо, что в ее создании участвовали азиаты (финикияне, евреи) и африканцы (древние египтяне), потому что «к ней примкнула великая восточная страна — Россия». И так как самодовольный и самоуверенный Китай не вступит добровольно на путь культурного прогресса, то Россия, как «авангард всемирно-христианской цивилизации на Востоке», должна будет действовать вместе со всем христианским миром.

В одной из главных своих работ «Оправдание добра. Нравственная философия» в главе «Смысл войны»⁵⁸ он обращает внимание на извечность борьбы Запада и Востока, что человечество не в состоянии предотвратить «последней и величайшей распри этих двух миров — европейского и азиатского». Ему виделся на «всей поверхности Земного шара: вместо пустынного Скамандра — Тихий океан, вместо дымящегося Пергама — зловещая громада Китая». Из этого он делал пессимистический вывод: «Мирное включение желтой расы в круг общечеловеческой культуры в высшей степени невероятно, и считать войну подлежащей немедленному и полному упразднению нет основания с исторической точки зрения»⁵⁹. Вместе с тем Соловьев выражал надежду на успех национальной политики России, которая должна заключаться в примирении имперских и христианских начал: «Им-

⁵⁶ Межуев Б. Моделирование понятия «национальный интерес». На примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX вв. // Электронный сайт библиотеки «Русский Архипелаг».

⁵⁷ Вестник Европы. 1894. № 9. С. 395–398.

⁵⁸ Впервые опубликована в «Литературном приложении» к «Ниве» (1895. № 7).

⁵⁹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч.: В 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 476–478.

перия двуглавого орла есть мир Востока и Запада, разрешение этой вековой распри великих исторических сил в высшее всеобъемлющее единство. <...> Настоящая империя есть возвышение над культурно-политической однородностью Востока и Запада, настоящая империя не может быть ни исключительно восточною, ни исключительно западною державою»⁶⁰.

26 февраля 1900 г. В.С. Соловьев в зале Петербургской городской думы прочел краткую повесть об антихристе, которая вскоре была опубликована под названием «Три разговора». Несмотря на попытки исследователей творчества Соловьева доказать, что это не было пророческим «карканьем», сам он считал такой исход событий не только вероятным, но и близким «к достоверности»⁶¹. Последняя книга философа, проникнутая ожиданием мировых потрясений, пессимистически воспринималась многими современниками как эсхатологическое пророчество, что «монголы завоюют Европу, начнется всемирная резня, придет антихрист и наступит конец мира» (Д.С. Мережковский). И «Оправдание добра», и «Три разговора» заключали в себе скрытую полемику с идеями непротивления злу силой Л.Н. Толстого, что впоследствии получило развитие в брошюре Л.А. Тихомирова «О смысле войны» (М., 1904) и статье И. Ильина «О сопротивлении злу силой».

Э.Э. Ухтомский страстно полемизировал с В.С. Соловьевым и его апологетами: «Никакого панмонголизма, никакой «Азии для азиатов», никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по-моему, нет и быть не может»⁶². Ему виделась великая миссия России в Азии уже только потому, что мы ближе и понятнее из всех европейцев азиатам, на Востоке наша «коренная родина», а «пестротканая Россия» есть «предопределенный покровитель и главарь» Азии. «В таком случае, — утверждал он, — не наивно ли по меньшей мере говорить о нашем нарождающемся *Drang nach Osten?*», когда это, по сути, есть обратное стихийное движение к «праматери — Сибири»⁶³.

Восстание ихэтуаней 1900 г., направленное против европейцев, дало прорицателям «желтой опасности» давно ожидаемое осязаемое подтверждение. «Вестник Европы» излагал заветы умершего философа, придавая им откровенно политическую трактовку: «Предсмертное пророчество Вл. С. Соловьева о возможном торжестве «панмонголизма» над культурным христианским миром не было подкреплено «рассуждениями», которые он думал еще добавить, но в настоящем своем виде оно имеет достаточно убедительный, глубокий практический смысл»⁶⁴. Журнал также призывал европейские государства забыть былые распри и объединиться перед угрозой пробуждающегося Китая. О том, что китайцы не могут сравнивать русских с прочими европейцами, что «имя русского в Китае пользовалось уважением благодаря бывшим порабителю монголам, которые завезли в Китай добрые сведения о русских и которые позже распространяли в китайских пределах славу имени Белого Царя», писал в связи с китайскими событиями в бесплатном народном издании Е.В. Богданович⁶⁵.

Сам философ успел откликнуться на китайские события письмом в редакцию «Вестника Европы». Письмо стало одновременно и ответом на

⁶⁰ Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Собр. соч.: В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 604–605.

⁶¹ См.: Сербиненко В.В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994. С. 184.

⁶² Ухтомский Э.Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 6.

⁶³ Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891 гг.). СПб.; Лейпциг, 1897. Ч. 5 (Наша Азия). С. LVIII, 65, 75–76.

⁶⁴ Вестник Европы. 1900. № 4. С. 354–355.

⁶⁵ Богданович Е.В. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1901. — Схожие мысли содержались и в других сочинениях. См., например: Новиков Я. Борьба Европы с Китаем (будущность белой расы). СПб., 1901.

рецензию С.Н. Трубецкого по поводу «Трех разговоров». В.С. Соловьев заявлял, что он был далеко не одинок в своем предчувствии, схожее мнение высказывал, писал он, известный географ Э. Реклю. Но «если многие говорили о приближении грозы, то за мною, — уточнял Соловьев, — остается лишь печальное преимущество последнего и кричащего (подчеркнуто В.С. Соловьевым. — А.Р.) указания на грозу уже совсем приблизившуюся, готовую разразиться и однако же не замечаемую огромным большинством»⁶⁶. Грянувшие события казались концом всей прежней мировой истории. Трагически и почти безысходно, сходя в могилу, он предрекал: «Историческая драма сыграна, и остался еще один эпилог, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно»⁶⁷. Когда С.Н. Трубецкой спросил Соловьева: «Какое твое личное отношение к китайским событиям теперь, что они наступили?», последний сослался на тогда еще не опубликованное, но уже отправленное в «Вестник Европы» письмо и добавил: «Это — крик моего сердца. Мое отношение такое, что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу... Профессора всеобщей истории упраздняются... их предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне алой и белой роз больше говорить нельзя будет. Кончено все!.. И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем!.. Христианства нет, идей не больше, чем в эпоху Троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут!» И Соловьев прочел Трубецкому стихотворение «Дракон», посвященное Вильгельму II⁶⁸. Правда, 10 июля 1900 г. В.С. Соловьев написал политическому обозревателю «Вестника Европы» Л.З. Слонимскому, что «по зрелом обсуждении решил не торопиться с заявлением по китайским делам, которое, как ты справедливо заметил, должно быть связано с рассуждениями»⁶⁹. Не стал Соловьев тогда печатать и стихотворение «Дракон».

27 июня (по новому стилю) 1900 г. со специального помоста, устроенного в гавани Брементгафена Вильгельм II призвал германских солдат: «Пощады не давать, пленных не брать! Подобно тому, как тысячу лет назад при короле Этцеле гунны оставили память о своей мощи, до сих пор сохранившуюся в преданиях и сказках, точно так же благодаря вашим деяниям имя немцев в Китае должно запомниться на тысячу лет так, чтобы никогда китайцы не посмели даже косо взглянуть на немца». Канцлеру Б. Бюлову пришлось даже высказать кайзеру опасение, что эта речь произведет нежелательный политический эффект в европейском обществе, даст основания недоброжелателям представить Германию страной варваров, а самого кайзера — кровожадным завоевателем. На что Вильгельм смог только ответить, что он сожалеет о своей горячности и переделать себя не в состоянии. Когда Б. Бюлов, по поводу уже африканских событий, напомнил кайзеру о христианском милосердии, тот, не смущаясь, заявил, что «христианские заповеди не относятся к хищникам и дикарям»⁷⁰. 29 июля 1900 г., уже на борту яхты «Гогенцоллерн», он назвал предстоящую войну «священной», обвинив китайцев в том, что они «с великой силой и лукавством, с огнем и мечом там хотят преградить путь европей-

⁶⁶ Соловьев В.С. По поводу последних событий. Письмо в редакцию (1 июля 1900) // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 303–304.

⁶⁷ Там же. С. 306.

⁶⁸ Трубецкой С.Н. Смерть В.С. Соловьева // Вестник Европы. 1900. № 5. С. 414.

⁶⁹ Вестник Европы. 1900. № 5. С. 421.

⁷⁰ Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 164–165, 266–267.

ской торговле и европейскому образованию, хотят остановить победоносное стремление христианских нравов, христианской веры!». Мечом германские воины должны усмирить «дикость нравов», наказать убийц и заступиться «за самое священное наше достояние». Речь германского императора в том же году (видимо, с цензурными купюрами) была переиздана отдельной брошюрой в Вильно на русском языке⁷¹.

С началом Русско-японской войны официальная публицистика мобилизовала весь накопленный к этому времени арсенал идеологических аргументов, смешивая старые имперско-династические мифы с новейшими философскими, геополитическими, националистическими и расовыми идеями⁷². Журналы и газеты наполнились статьями о неизбежности столкновения России с Японией, цивилизационной миссии России в Азии, историческом тяготении русских к Востоку, воспоминаниями о пророческих предостережениях В.С. Соловьева грядущего панмонголизма и «желтой опасности», предсказаниях Вильгельма II, авторитетных мнениях Э. Реклю и Х. Маккиндера и даже европейском импульсе, который придали Руси варяги⁷³. Профессор П.П. Мигулин со страниц «Руси» призывал отбросить всякие сентиментальные рассуждения и выполнить «историческую задачу России» выйти к незамерзающим портам Тихого и Индийского океанов и выполнить «важный и настоящий долг перед всем цивилизованным человечеством»⁷⁴. Один из ведущих либеральных обозревателей В.А. Гольцев в журнале «Русская мысль» указывал на особенности Русско-японской войны, в которой «переплетаются экономические интересы с племенной ненавистью»⁷⁵. «Санкт-Петербургские ведомости» рисовали поэтический образ «железного моста» между Европой и Азией, и если Петр прорубил «окно» в Европу, то Николай II «открыл нам ворота в Великий океан», выведя нас через Маньчжурию на «новое поприще всемирной жизни»⁷⁶.

Даже Э.Э. Ухтомский вынужден был внести коррективы в свою концепцию, отказав в историческом будущем японцам. Задавая себе вопрос о том, с чем же идет русский человек на эту войну, он отвечал: «Помимо сознания, что настал миг выйти из пут узкого и далеко не всегда искреннего национализма, что «всечеловек» Достоевского — это есть действительно гражданин мировой русской монархии, что навязанная нам извне война должна послужить могучему подъему патриотических чувств из лона всех пестрых этнических и религиозно-разнородных элементов, образующих третий Рим — Россию, грозная борьба, к которой, кроме Японии, могут и жаждут примкнуть всякие опасные для нас начала, наверно скрепит и сплотит Империю; но тогда тем самым естественно решится для будущего давно решенный лучшими русскими людьми, только в силу рутины не решаемый формально инородческий и вероисповедный вопросы, которыми мы так часто болеем и томимся...»⁷⁷.

Постоянная комиссия народных чтений приступила с весны 1904 г. к изданию брошюр карманного формата для чтения публичных лекций о странах Дальнего Востока. В них Маньчжурия представляла возможной рус-

⁷¹ [Вильгельм II]. Проповедь германского императора на борте яхты «Гогенцоллерн». Вильна, 1900. С. 3.

⁷² Подробнее см.: Жукова Л.В. Идеологическое обоснование Русско-японской войны в России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996.

⁷³ Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 27 янв.

⁷⁴ Мигулин П.П. Война и наши финансы // Русь. 1904. 24 июля (6 авг.).

⁷⁵ В.Г. [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1904. № 10. С. 268.

⁷⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1904. 13 янв.

⁷⁷ Там же. 1904. 26 янв.

сохранения за европейскими державами пользования богатствами Азии, сырыми и обработанными». ... «В общем, это будет союз народов белой расы против народов желтой расы и чернокожих»⁸³.

В новых формулах германской геополитики Вильгельм II поспешил лично разъяснить российскому императору, что «Hinterland (лежащие за ним земли) должен быть в твоих руках», чтобы прибрежная полоса между Владивостоком и Порт-Артуром не превратилась для России в новые Дарданеллы⁸⁴. Массовым тиражом (три издания), с изображением на обложке картины Вильгельма II, в декабре 1904 г. выходит небольшая по объему (8 страниц) брошюра «Конец желтой опасности», в которой утверждалось: «И географически, и политически Россия в борьбе с Азией действительно является авангардом Европы». Публикаторы отдали должное тому, что «Германия, в лице своего венценосного художника, раньше и глубже других европейских держав почувствовала приближение того чудовища — левиафана, которое зовется желтой расой...». Разъяснялось в брошюре, что же следует понимать под «священными благами», которые призывал оберегать германский император: «Под этими священными благами, бесспорно, надо понимать нашу старую европейскую цивилизацию, земельные границы государств, их торговлю и промышленность, их благосостояние и, наконец, самую свободу и жизнь их граждан... Борьба за них — это борьба язычества с христианством, борьба «желтолицых» с белыми, кровавая на смерть схватка двух старейших и величайших рас мира»⁸⁵. И в этой брошюре с претензией на пропагандистский эффект имелась ссылка на предупреждение В.С. Соловьева: «Кто знает, быть может, провидение намеренно послало Европе эту кару — желтую опасность, для того чтобы она, ясно почувствовав, что так, как сейчас, жить нельзя, соединилась; для того, чтобы, освободившись раз и навсегда от желтой опасности, она исполнила Слово Божие, — устроилась вселенски, дабы вся земля стала Единой церковью Божией...»⁸⁶. Чтобы этот символический пафос был более доступен простому российскому читателю, китайский дракон предстал в сказочном образе Змея Горыныча, занесшего молот над головами «всех способных жить и развиваться».

Газеты и журналы публикуют отрывки из знаменитого стихотворения В.С. Соловьева «Панмонголизм», комментируют его последние статьи и письма. С.Н. Трубецкой, как бы подводя итог своей полемике с Соловьевым, окончательно признается в январе 1904 г. на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Мы присутствуем при развязке великой всемирно-исторической драмы... Пророчества умирающего Соловьева начинают сбываться...». В обстановке военного столкновения на Дальнем Востоке философские рассуждения В.С. Соловьева воспринимались как пессимистический прогноз, за которым современный читатель журналов и газет приземленно видел лишь непосредственную угрозу, мало соотнося ее с высокими апокалипсическими суждениями великого мыслителя. Сложная религиозно-философская концепция быстро была переведена на более доступный массам язык политической идеологии и пропаганды. «Вестник Европы» трактовал заветы умершего философа, придавая им сугубо практическое значение: «Предсмертное пророчество Вл. С. Соловьева о

⁸³ Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3. С. 255.

⁸⁴ Вильгельм II — Николаю II (3 янв. 1904 г.) // Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.; Пг., 1923. С. 52.

⁸⁵ Конец желтой опасности. СПб., [1904]. С. 2.

⁸⁶ Там же.

возможном торжестве «панмонголизма» над культурным христианским миром не было подкреплено «рассуждениями», которые он думал еще добавить, но в настоящем своем виде оно имеет достаточно убедительный, глубокий практический смысл». Журнал призывал европейские государства забыть былые распри и объединиться перед угрозой пробуждающегося Китая, особо опасаясь того момента, «когда китайцы пройдут хорошую военную школу, приобретут стойкость и выдержку японцев»⁸⁷. Политический обозреватель «Вестника Европы» Л.З. Слонимский весной 1904 г. публикует большую статью «Желтая опасность», проникнутую идеями Соловьева.

Л.А. Тихомиров с претензией на наследие В.С. Соловьева в брошюре «О смысле войны» сочувственно цитирует его строки из стихотворения «Дракон», называя их «гимном императору Вильгельму II»:

*Наследник крестоносной рати,
Ты стал под знаменем Креста,
Святой огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята...*

Только православие, по мнению бывшего народовольца, ставшего к рубежу XIX–XX вв. видным теоретиком монархизма и религиозным философом, способно дать истинную христианскую веру, сохраняя в китайце «человеческое» и уничтожая языческое. Тихомиров напоминал об исторической способности православия к веротерпимости, а самое главное — стремлению к культурной совместимости разных народов. Вслед за Ф.М. Достоевским он связывал с продвижением в Азию и оздоровление самой России. Для нее пробил исторический час, внушал Тихомиров: «... Или сознать себя и выступить как мировая сила со своим собственным содержанием, или уходить со сцены Истории»⁸⁸.

Профессор А.И. Введенский, философ и богослов, публикует в конце 1904 г. в «Богословском вестнике» серию статей под общим названием «Дальневосточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще», где также вспоминает: «Дальнозоркие у нас, начиная с Хомякова и кончая покойным Вл. С. Соловьевым, уже ясно видели в настоящем семена этой грядущей мировой коллизии, а может быть, и катастрофы»⁸⁹.

Для учащихся старших классов Оренбургской мужской гимназии в 1905 г. К. Белавин прочел несколько лекций, разъясняющих «Происхождение и смысл Русско-японской войны» (опубликованные затем в приложениях к циркулярам по Оренбургскому учебному округу, а затем и отдельной брошюрой). Так, в этих публичных лекциях Белавин разъяснял, что «как будто оправдались предчувствия Вильгельма II, о которых говорили и наши Достоевский и Соловьев. Таким образом, как в XVI в., России приходится принимать на себя первый и тяжкий удар ополчающихся на Европу азиатских народов; снова ей приходится брать на себя тяжелое бремя защиты христианской культуры против язычества».

Если начало войны было встречено с оптимизмом, и Валерий Брюсов напишет проникнутое геополитической поэзией стихотворение «К Тихому

⁸⁷ Вестник Европы. 1900. Т. V. С. 354–355.

⁸⁸ Тихомиров Л.А. Христианские задачи России и Дальний Восток // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 427, 443. В конце жизни, уже после Октябрьской революции, как и В.С. Соловьев, он будет пророчествовать о конце света и наступлении царства антихриста. — Подробнее см.: Ремнев А.В. Крестный путь Льва Тихомирова // Исторический вестник. 1997. Специальный выпуск. Омск, 1997. С. 113–133.

⁸⁹ Введенский А.И. Дальневосточная война с философской точки зрения, в связи с вопросом о войне вообще. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905. С. 42.

океану»⁹⁰, то уже в 1905 г. он прозаически напоминает европейцам в лице одного из «властителей дум» Мориса Метерлинка не только о трагическом предостережении В.С. Соловьева, но и прозорливости германского кайзера: «Желтая опасность!» Выражение успело опошлиться и принять комический оттенок. Предостерегали от «желтой опасности» и искренние прозорливцы, как Вл. Соловьев, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. События кричали прямо в уши: за японо-китайской войной следовало боксерское восстание, за ним наша война с Японией. И все же до сих пор громадному большинству кажется нелепой, невозможной мысль, что Восток может поработить Европу. <...> Воля отдельных лиц и целых поколений ничтожна перед теми силами, которые направляют жизнь народов и государств. Россия в своем вековом движении на Восток должна была докатиться до южных берегов Великого океана, и остановить ее было бы столь же трудно, как удержать лавину, падающую с вершины вниз. Два мира, европейской и азиатской цивилизации, могли развиваться рядом, пока их разделяли пустыни: океан, баснословный Тибет, дикая Маньчжурия. Столкнувшись лицом к лицу, они почувствовали, что им на земле тесно. Поскольку Россия хочет быть представительницей Европы, поскольку Япония — передовой боец Азии, их борьба может окончиться только порабощением одного из противников. Всякий иной мир будет лишь перемирием, за которым позднее последует новая «пуническая» война»⁹¹. И уже рождаются новые поэтические строки, напрямую корреспондируемые с соловьевской цитатой: «И Третий Рим лежит во прахе, и уж четвертому не быть». Брюсов заключает стихотворение «Цусима» (10 августа 1905 г.) четверостишием:

*И снова все в веках, далеко,
Что было близким наконец, —
И скипетр Дальнего Востока,
И Рима Третьего венец!*

Позже уже Д.С. Мережковский пророчествовал о духовном порабощении России китайской культурой, в основе которой лежит, по его словам, совершенный позитивизм, религия без бога, утилитаризм, практицизм. «Китайщина», развившись в России, приведет русский народ к эстетической смерти. Главная «желтая опасность» заключается в проникновении «китайщины» в душу русского человека: «не в том, что Китай идет в Европу, а в том, что Европа идет в Китай. Лица у нас еще белые; но под белую кожей уже течет не прежняя густая, алая, арийская, а все более жидкая «желтая» кровь, похожая на монгольскую сукровицу; разрез наших глаз прямой, но взор начинает косить, суживаться. И прямой белый свет европейского дня становится косым «желтым» светом китайского заходящего или японского восходящего солнца»⁹². Рассуждая в рамках извечной дилеммы: Россия — Восток или Запад? — Мережковский отмечает, что в этом историческом метании между Западом и Востоком Россия неудар-

⁹⁰ Вот чего ждали мы, дети степей!
Вот она, сродная сердцу стихия!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россия.
Брат Океан! ты как мы! Дай обнять
Братскую грудь среди вражеских станов.
Кто, дерзновенный, захочет разъять
Двух великанов?
(27 января 1904 г.)

⁹¹ Брюсов В. Метерлинка-утешитель (О «желтой опасности») // Брюсов В. Мировое состязание. М., 2003. 89–90.

⁹² Лукин А.В. Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 139.

жимо сползает к Востоку, из России вынимают живую душу, чтобы оставить «лишь мертвое тело — восточное самовластье с европейской техникой», «Гамерлана с телеграфами»⁹³.

Идея «желтой опасности» прочно вошла в новую имперскую идеологию, подкрепленная авторитетом великого философа. Хотя сам Соловьев предупреждал в предисловии к «Трем разговорам»: «Во всем том, что говорится у меня о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу, также следует различать существенное от потребностей». Был им предложен и оптимистический выход: «Если прекращение войны вообще я считаю невозможным раньше окончательной катастрофы, то в теснейшем сближении и мирном сотрудничестве всех христианских народов и государств я вижу не только возможный, но необходимый и нравственно обязательный путь спасения для христианского мира от поглощения его низшими стихиями». Но многими ли эти предупреждения были услышаны, политическим прагматикам нужен был другой Соловьев, которого они могли бы утилитарно встроить в свою идеологическую конструкцию⁹⁴.

Это было время «национального вызова», когда, по выражению Б. Андерсона: «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы — что они англичане, а Гогенцоллерны — что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.»⁹⁵. Монархи должны были применить новую империалистическую риторику, апеллируя к массам через средства массовой информации, облекая империалистические цели в политические лозунги, изобретая расовые и культурные мифы. В.С. Соловьев же видел в этом глобальное цивилизационное противостояние. «Радикализм позиции Соловьева заключался в мысли, которую не решились высказать ни Вильгельм II, ни современный политолог С. Хантингтон, а именно в утверждении, что все войны, которые когда-либо происходили на Земле, были, хотя бы в символическом плане, войной цивилизаций, войной Запада с Востоком, Европы с Азией»⁹⁶. Современниками победа Японии над Россией воспринималась как «победа Азиата над Европейцем». А.Н. Куропаткин делал глобальные цивилизационные прогнозы неизбежного мирового столкновения, призывая европейские народы к единству перед лицом нового врага: «Борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904—1905 гг., был лишь авангардный бой. Для блага всей Европы надо, чтобы при новом напоре Японцев или Китайцев на Россию силы Европы были с нею, а не против нее. Для блага Европы надо, чтобы Индия защищалась не только Англичанами, но и Русскими. То же справедливо и относительно Индокитая и немецких владений и предприятий в Азии»⁹⁷.

Для Вильгельма II война на Востоке была обусловлена стремлением обеспечить экономический простор «германскому труду» «в решительный для германизма час» (как выражался адмирал Альфред фон Тирпиц). Глубокое проникновение в сущность германского взгляда на Восток дал один из лучших российских военных аналитиков А.Е. Снесарев. Он писал о том, что

⁹³ Мережковский Д.С. Восток или Запад? // Мережковский Д.С. Вечные спутники. М., 1996. С. 655.

⁹⁴ Подробнее об эволюции идеи «желтой опасности» в России см.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М., 2000 (Глава 2. Китайская диаспора и дискуссии о «желтой опасности» в дореволюционной России), а также мою статью: Геополитические и национальные компоненты российской имперской политики // Проблемы развития российской государственности. М.; Омск, 2003. С. 401—437.

⁹⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 107

⁹⁶ Бродский А. Восточный синдром. Философия войны В.С. Соловьева и столкновение цивилизаций // Звезда. 2003. № 12.

⁹⁷ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 217—218.

необъяснимое предсказание конца мира не только в русских, но и верованиях других народов связано с каким-то подъемом Китая: «Однако несколько странным я нахожу то обстоятельство, что указанное сказание о грядущем покорении мира Китаем, превращенное в более рафинированную форму «желтой опасности», нашло себе доступ в интеллигентные и довольно широкие круги как Европы, так и России. Всему миру известна картина Вильгельма, предупреждающая народы Европы и советуемая им «блуждать свое достояние». Картинка стильная и не лишенная красоты, но, к сожалению, экс-монарх Германии на своем веку столько говорил сильных слов и столько рисовал грандиозных образов, часто прикрашивая ими лишь свои политические, часто узкие и эгоистические замыслы, что и перед лицом этой картины остаешься в недоумении: отражает ли она истинные мысли художника или это просто театральный жест политического Мефистофеля, скрывающего посторонние цели, а внутренне смеющегося над своим собственным жестом»⁹⁸. Мысли В.С. Соловьева вызвали у него гораздо больше веры и уважения, но и его пророчества «желтой опасности» между двумя мировыми войнами, когда писались эти строки, выделялись все еще в неясной перспективе. В любом случае, подчеркивал он, Русский Восток будет первым буфером, призванным смягчить натиск желтой волны о берега Белого (понятие не географическое, а цивилизационное. — А.Р.) моря. «Это обстоятельство придает Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения»⁹⁹.

Ориенталистский дискурс в условиях России осложнялся амбивалентностью евразийской социокультурной идентичности. Будучи в глазах Запада сама Востоком, Россия в силу своего географического положения и исторических традиций демонстрировала разные варианты восприятия политического, социокультурного и управленческого поведения в отношении восточных народов. У Российской империи была не только своя внутренняя Европа, но и своя внутренняя Азия, свой «внутренний ориентализм». Как и «ориентализм» на Западе предстал не только способом видения Востока, но и познанием самой Европы, так, по словам А.Е. Снесарева, «Русский Восток должен принести свою большую помощь при попытках опознать и провидеть будущее судеб России».

«Национальный вызов» сделал появление геополитики как формы и способа убедить народы в географической предрасположенности и цивилизационных судьбах, неотвратимости расового конфликта неизбежным. И российские имперские идеологи хватались за любые теории, невзирая на их интеллектуальный контекст, стремясь мобилизовать все политические силы, от социалистов до либералов и консерваторов, перед лицом новых опасностей и надежд, формируя новые модели «жизненных ценностей». «Гроза с Востока» заставляла повернуться к вопросу о цивилизационной сущности России, понять причины ее слабости и культурного угасания, укрепить политическую волю масс и элит. Вместе с тем спецификой российской геополитики были не только ее научная и религиозно-философская составляющие, но и поэтическая форма, так подходившая для российской шири, что оказало огромное влияние на русскую культуру и мировосприятие¹⁰⁰. И уже другой поэт, А.А. Блок, отправляясь в своих

⁹⁸ Снесарев А.Е. Грядущая дальневосточная политика // Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 95.

⁹⁹ Там же. С. 96.

¹⁰⁰ См.: Wells David. The Russo-Japanese War in Russian Literature // The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–05. / Ed. by D. Wells and S. Wilson. L.: Macmillan press LTD; N. Y.: St. Martin's press, 1999. P. 108–133.

прогнозах от эсхатологических прозрений В.С. Соловьева, будет пророчествовать в уже апробированных символах, загрузив их дополнительными смыслами:

*Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.*

Summary

The article is devoted to so called «yellow fear». V..Solov'ev predicted it at the end of his life; he connected forecasts of spiritual crisis of Europe and final of history with it. Also au-thor examines political ideologema of threat from the East, which was popularized by German emperor Wilhelm II, and its influence on Russian imperial ideology at the end of XIX — early XX c.c. A.V.Remnev includes the process of forming the idea of «groza s vostoka» in orientalist context and elucidates forms of influence of national interest conception on political practices of Russian Empire. «National challenge» and geopolitics so are the methods to convince the peoples in their geographical predisposition and civilization fates, inevitable race conflicts. The partici-pants of imperial mobilization of political powers were both liberals and conservators; they used all possibilities of mass informational influence — through newspapers, magazines, including ar-tistic perception of political realities in imperial discourse.



Картина императора Вильгельма II «Желтая опасность»